

нятиями»¹². Поэтому надо признать глубоко печальным недоразумением, что в некоторых направлениях лингвистики нашего времени понятие *оттенка* стало ассоциироваться не с мощью и величием литературного языка, а с его мнимой слабостью: Между тем способность языка передавать не только мысли и чувства людей, но и *оттенки* этих мыслей и этих чувств составляет одно из тех важнейших свойств самого языка, которое принципиально отличает его от всякой иной знаковой системы, от всякого искусственного «языка».

К сожалению, против понятия *оттенка* выступают не только прямо, но и косвенно. Например, утверждают: «Научные труды Ломоносова написаны прекрасным русским литературным языком. Синтаксис в них почти не отличается от современного»¹³. Здесь весьма характерно наречие *почти*. Автору кажется, что *почти* несущественно в грамматике. Между тем *почти* здесь очень существенно. При всех заслугах Ломоносова в области русского литературного языка его синтаксис, разумеется, еще весьма далек от современного. В этом может легко убедиться каждый, раскрыв любое научное сочинение Ломоносова, написанное по-русски. Иное членение периода, иные отношения внутри многих словосочетаний, иные связи между предложениями отличают синтаксис Ломоносова от синтаксиса нашего времени. И это вполне понятно, учитывая, что речь идет об эпохе интенсивного развития русского языка. Уже Белинский понимал, что «благодаря Лермонтову русский язык далеко продвинулся вперед после Пушкина» (критик видел различие даже между современниками)¹⁴, и у нас нет никаких оснований не обнаруживать языковых различий между целыми веками. Вот что значит в филологии пренебречь *оттенками*.

В свое время Проспер Мериме, много лет изучавший русский язык, подчеркивал, что способность передавать тончайшие *оттенки* мыслей и чувств людей является одной из характернейших особенностей русского языка¹⁵. И было бы по меньшей мере неосмотрительно, если этой особенностью русского языка современная наука стала бы пренебрегать на том основании, что *оттенки* не могут изучаться «точными методами».

6

Но если, как мы видим, без умения передавать тонкие *оттенки* мысли и чувства не может существовать ни один современный развитой литературный язык, носитель национальной культуры, то в еще большей степени этой же способностью передавать тончайшие *оттенки* мысли и чувства обладает язык каждой великой художественной литературы. Сейчас почти невозможно представить ту или иную большую национальную художественную литературу, которая не располагала бы соответствующим национальным языком¹⁶.

Разумеется, не сам по себе язык художественной литературы в состоянии автоматически выражать все богатство внутреннего мира современного человека. Проблема гораздо сложнее. Лишь большим художникам удается это сделать. Язык лишь потенциально таит в себе подобные возможности. Искусство писателя и состоит, в частности, в том, чтобы обна-

¹² Винер Н. Творец и робот. М., 1966, с. 82. См. также: Деглин В. Функциональная асимметрия — уникальная особенность человека. — «Наука и жизнь», 1975, № 1, с. 112—114.

¹³ Ковтунова И. И. Порядок слов в русском языке. М., 1969, с. 118.

¹⁴ См. сб. «Русские писатели о языке». Л., «Советский писатель», 1954, с. 210.

¹⁵ Мериме Проспер. Статьи о русских писателях. М., 1958, с. 36.

¹⁶ Подводя итоги «Девятого Международного конгресса лингвистов» (США, 1962 г.), Р. О. Якобсон тогда же отмечал интерес многих современных лингвистов к теоретическим проблемам поэтики. Он же предложил названия журналов, посвященных лингвистике, дополнить словами «и по поэтике» (см. об этом в сб. «Новое в лингвистике». М., 1965, вып. 4, с. 583). См. также: Bayerdörfer H. Poetik als sprachtheoretisches Problem. Tübingen, 1966.